

Повесть В.С. Гроссмана «Все течет...»: полемика и/или солидарность с русской классикой

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Высшая школа экономики, Москва, Россия, bityunan@gmail.com*

Аннотация. В статьей изучается литературный контекст последней повести В.С. Гроссмана – «Все течет...». Исследователь комментирует цитаты из классической русской литературы, приведенные Гроссманом, а также – неявные отсылки на некоторые художественные тексты XIX и XX вв. Этот анализ позволяет автору статьи проследить связь между литературным и биографическим контекстами, а также более полно описать особенности идеологии «Все течет...».

Ключевые слова: В.С. Гроссман, «Все течет...», советская литература, классическая русская литература, Н.А. Некрасов, Н.В. Гоголь, М. Горький

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Повесть В.С. Гроссмана «Все течет...»: полемика и/или солидарность с русской классикой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2025. № 11. Ч. 2. С. 327–339. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-327-339

V. Grossman's story "Everything flows". Polemic and/or solidarity with Russian classics

Yurii G. Bit-Yunan

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Presidential Academy, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia, bityunan@gmail.com*

Abstract. The article focuses on the literary context of V. Grossman's last story – "Everything Flows". The researcher comments on quotes from classical Russian literature cited by Grossman, as well as on unobvious references to certain artistic works of the 19th and 20th centuries. The analysis allows the

author of the article to trace the connection between literary and biographical contexts, as well as to more fully describe the features of the ideology of “Everything Flows...”.

Keywords: V. Grossman, “Everything Flows”, soviet literature, Classical Russian literature, N. Nekrasov, N. Gogol, M. Gorky

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2024), “V. Grossman’s story ‘Everything flows’. Polemic and/or solidarity with Russian classics”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 11, part 2, pp. 327–339, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-327-339

Последняя повесть В.С. Гроссмана, «Все течет...», занимает в его наследии периферийное положение – несмотря на свою известность.

Первая редакция была создана в середине 1950-х гг. Вторая, тиражируемая по сей день, – в начале 1960-х гг. Единого мнения о дате завершения повести (1963 г. или 1964 г.) не существует (ср.: [Бочаров 1990, с. 370–371; Ellis 1994, pp. 197–198; Garrard, Garrard 1996, pp. 291–299]).

В 1970 г. книга впервые вышла в русском зарубежье¹. И ее тут же принялся громить эмигрантский историк, А.П. Столыпин, сын убитого в 1911 г. русского премьер-министра. Претензии критика были сугубо политическими. Мол, Гроссман пишет о неискоренимом русском рабстве, а это противоречит исторической правде. Затем Столыпин начал ссылаться на ту самую историческую правду – такую, которая была ему известна и удобна².

Повесть дважды напечатали, в 1973 и 1974 гг. – в том же изда-тельстве «Посев». Но рецензий не было.

В 1979 г. в 42-м выпуске израильского журнала «Время и мы» об опальной повести вдруг появилась статья – «Стукачи и гонг справедливости». Автор – израильский литературовед и политолог Д.М. Штурман. Она рассуждала о гуманности и мудрости Гроссмана, его стремлении понять и простить даже тех, кто прощения, казалось бы, не заслуживает. В этом, согласно Штурман, – принципиальная разница между Гроссманом и Солженицыным. Последний не просто суров – он у черты жестокости. Его принципиальность и несгибаемость пугают³.

¹ См.: Гроссман В.С. Все течет... Frankfurt a/M.: Посев, Cop. 1970.

² См.: Столыпин А.П. Ошибочная историческая концепция В. Гроссмана // Границы. 1971. № 80. С. 216–223.

³ См.: Штурман Д.М. Стукачи и гонг справедливости // Время и мы. 1979. № 42. С. 133–149.

Статья Штурман появилась, конечно, неслучайно. В подобных историко-литературных ситуациях случайностей вообще не бывает. Бывает инфоповод. Его вскоре объявили.

В 45-м выпуске того же «Время и мы» помещена статья филолога Е.Г. Эткинда «Двадцать лет спустя». По сути – анонс первого книжного издания «Жизни и судьбы». Эткинд напомнил читателю, что роман был конфискован у Гроссмана сотрудниками КГБ в феврале 1961 г. (впервые об этом написал Б.С. Ямпольский⁴). Туманно сказал о том, что некие источники романа уцелели, благодаря чему в эмигрантской периодике появились главы из «Жизни и судьбы». Как и Штурман, Эткинд жестко противопоставил Гроссмана Солженицыну. Конечно, в пользу первого⁵.

Таким образом, статья Штурман – первый залп по авторитету создателя «Архипелага ГУЛАГ». Статья Эткинда – второй. Был и третий: в 1980 г., как и планировалась, вышла книга. Предварялась она расширенной редакцией статьи Эткинда⁶.

Впрочем, как ни старались лоббисты Гроссмана – все впустую. «Жизнь и судьба» оказался вне повестки и вне публичного информационного поля. Романа будто не заметили. И это тоже не случайно. Эмигрантов смущали политические совпадения.

В 1970 г. Солженицын получает Нобелевскую премию. И тут на Западе печатается «Все течет...». В конце 1973 г. в Париже публикуется «Архипелаг ГУЛАГ» – вскоре на Западе оказываются некие источники «Жизни и судьбы»... А теперь печатается весь роман, конфискованный у автора сотрудниками КГБ. Значит, нужно думать, кто и как этот роман выручал. Иначе можно угодить в двусмысленную ситуацию.

Ситуация изменилась в 1984 г., когда В.Н. Войнович открыто заявил на книжной ярмарке во Франкфурте, что спасение «Жизни и судьбы» – исключительно его инициатива⁷. Его безупречная репутация должна была рассеять подозрения относительно источника текста и санкционировать наконец положение «Жизни и судьбы» в эмигрантском литературном мире.

⁴ См.: Ямпольский Б.С. Последняя встреча с Василием Гроссманом // Континент. 1976. № 8. С. 133–155.

⁵ См.: Эткинд Е.Г. Двадцать лет спустя // Время и мы. 1979. № 45. С. 5–12.

⁶ См.: Эткинд Е.Г. Двадцать лет спустя // Гроссман В.С. Жизнь и судьба / изд. подгот. С. Маркиш, Е. Эткинд; вступ. ст. Е. Эткинда. Lausanne: L'Age d'Homme, 1980. С. V–XI.

⁷ См.: Войнович В.Н. Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа // Посев. 1984. № 11. С. 53–55.

В общем-то, так и получилось. В следующем году, с заметным облегчением и покаянной интонацией публицист Г.Ц. Свирский сознался, что хвалить Гроссмана во время триумфального шествия Солженицына по русскому зарубежью, считалось дурным тоном. Но теперь, когда «Жизнь и судьба» переведена на иностранные языки и признана во всей Европе, не замечать ее просто нельзя⁸. В 1986 г. роман был переиздан с портретом автора на обложке.

Таким образом, все сложилось вполне благополучно – для «Жизни и судьбы». Но не для «Все течет...». Сначала она была источником раздражения, затем – рекламой арестованного романа. Об этом, кстати, рассуждал в статье «Пример Василия Гроссмана» литературовед Ш.П. Маркиш, готовивший вместе с Эткиндом книжное издание «Жизни и судьбы». Он же указал на причины, обусловившие такое положение «Все течет...». Оказывается, она дискредитировала и Гроссмана, и его роман не только своим пессимистическим содержанием: ее идеология указывала на то, что в «Жизни и судьбе» он сказал не всю правду, потому что надеялся-таки договориться с советскими публикаторами – и снискать себе еще большие славу и деньги. Липшившись такой возможности, он разозлился и написал не часть правды, а всю правду. Но в чем тогда ценность «Жизни и судьбы»? Собственно, на этот вопрос Маркиш и давал ответ в своей статье⁹.

В СССР повесть была опубликована в 1989 г.¹⁰ И вызвала в некоторых кругах еще большее раздражение, чем за границей¹¹. Однако «перестройка» стремилась к апогею – критический пафос «Все течет...» обретал все большую злободневность. Однако литературной субъектности она не обрела – ее снова втянуло в орбиту «Жизни и судьбы». И писали о ней – учитывая новые литературно-политические условия – скучно¹².

⁸ См.: Свирский Г.Ц. Восемь минут свободы // Границы. 1985. № 136. С. 295–305.

⁹ См.: Маркиш Ш.П. Пример Василия Гроссмана // Народ и Земля. 1984. № 2. С. 170–195.

¹⁰ См.: Гроссман В.С. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 30–108.

¹¹ См., например: Казинцев А.И. Новая мифология // Наш современник. 1989. № 5. С. 144–168; Куняев С.Ю. Палка о двух концах // Наш современник. 1989. № 6. С. 156–166.

¹² См., например: Сироткин В.Г. Все меняется! О повести Василия Гроссмана «Все течет» и не только о ней // Литературная газета. 1989. 23 авг.; Краснов П. Свобода и исходный проект // Литературная Россия. 1989. 6 окт.; Кардин В. Жизнь – это свобода // Кардин В. Легенды и факты: Литературная критика и литературная полемика. М.: Правда, 1989. С. 3–20; Болажнова Т. Все течет на круги своя // Книжное обозрение. 1994. 29 нояб.

Первая работа о «Все течет...», обладающая академическим потенциалом, – это предисловие Г.Г. Водолазова к первому журнальному изданию. Называлось оно «Ленин и Сталин. Философско-социологический комментарий к повести В. Гроссмана “Все течет”». Водолазов писал о том, что Гроссман одним из первых советских литераторов решился провести ретроспекцию репрессивной истории СССР не к Сталину, а к Ленину¹³.

В 1997 г. вышла объемная научная статья Б.А. Ланина «Идеи открытого общества в творчестве Василия Гроссмана», где исследуется философский контекст повести «Все течет...», уже вне и без предписаний советской идеологии [Ланин 1997]. Примечательна и работа, как бы продолжающая это исследование, – статья 2014 г. «Сталин в прозе Василия Гроссмана» [Ланин 2014].

О «Все течет...» писали и зарубежные филологи. Ф. Эллис рассматривал «Все течет...» как экстремум гроссмановской идеологической ереси [Ellis 1994, pp. 197–217]. Дж. и К. Гаррарды сосредоточились на истории создания и сохранения повести. Они в принципе мало занимались интерпретацией гроссмановских текстов [Garrard, Garrard 1996, pp. 291–299]. Зато поэтику и систему социально-политических ценностей «Все течет...» рассматривали участники международных конференций по Гроссману [Riconda 2007; Maddalena 2011; Berti 2014].

Впрочем, на приведенные выше работы сейчас почти никто не ссылается, поскольку повесть не столько изучается, сколько упоминается. Из объекта исследования она постепенно стала вспомогательным материалом для других исследований [Ковальская, Кузнецов 2011; Бочкирев 2016].

Таким образом, повесть не забыта, но и не изучена. Многие вопросы даже не поставлены, хотя находятся на поверхности. Один из таких – рецепция русской литературной классики, а именно – творчества Н.А. Некрасова, М. Горького и Н.В. Гоголя.

* * *

Повествование открывается сценой в поезде, следующем из Хабаровска в Москву. В плацкартном отсеке – 4 человека. У одного из них, Ивана Григорьевича, из имущества – только деревянный чемодан. В нем – застиранное белье и буханка хлеба. Вскоре его двоюродный брат, Николай Андреевич, получает от него телеграмму – и недосказанность рассеивается: Иван Григорьевич – бывший

¹³ См.: Водолазов Г.Г. Ленин и Сталин: Философско-социологический комментарий к повести В. Гроссмана «Все течет» // Октябрь. 1989. № 6. С. 3–29.

заключенный. И вот он возвращается к тем, кто считался свободными людьми. С Николаем Андреевичем он не особенно близок – просто ему больше некуда пойти.

Гроссман, не склонный осуждать других, дает Николаю Андреевичу характеристику, которой можно бы гордиться в советское время. Он сомневался в виновности репрессированных и не отрекался от гонимых товарищей. Как-то раз даже прилюдно пожал руку жене арестованного знакомого.

Когда Сталин умер, он испытал чувство, подобное разоблачению. А потом «Правда» объявила, что подследственных «врачей-отравителей» пытали – и он был ошеломлен... Но мир его не перевернулся. Он и так считал «дело врачей» политическим. Пришлось лишь подкорректировать идеологическую картину мира.

И вот теперь у него в руках – телеграмма от брата, который был вычеркнут из списков живых почти на тридцать лет. Николай Андреевич чувствует, как ему на глаза наворачиваются слезы. Он хочет просить у Ивана Григорьевича прощения, рассказать ему о том, как дурно жил, как шел на компромисс с совестью, как хотел остаться порядочным человеком – и не смог. Тут же ему вспоминаются строчки: «Сын пред отцом преклонился, / Ноги омыл старику...». Это цитата из поэмы Н.А. Некрасова «Дедушка». Сюжет известен: мальчик Саша однажды находит у себя дома портрет какого-то генерала и спрашивает у родителей, кто это. Оказывается – его дедушка. И он жив. Но где он, почему не возвращается домой? На эти вопросы отец и мать Саши ответа не дают. «Вырастешь, Саша, узнаешь», – звучит рефреном. Через какое-то время дедушка приезжает. Собственно, перед ним отец Саши «преклонился» и «Ноги омыл старику».

Исторические аналогии очевидны: бывший политический преступник возвращается домой. Дедушка – после помилования. Иван Григорьевич – во время реабилитации. Даже сроки заключения соотносимые. Дедушку должны были отправить в ссылку в 1826 г., когда было завершено следствие, – помиловали же в 1856 г. Иван Григорьевич проводит в заключении примерно столько же – 29 лет. Следовательно, его посадили еще в 1920-х гг. Ироническая вариация на тему века нынешнего и века минувшего.

Следует отметить, что сопоставление судьбы декабристов и советских политзэков было достаточно распространенным. Примечательно, что в начале 1960-х гг. А.А. Ахматова наконец записывает «Реквием», где содержатся прозрачные аллюзии на пушкинское «Во глубине сибирских руд». Советские писатели часто обращались к теме декабристов [Александрова 2021].

У Гроссмана сюжет выстраивается совсем не так, как у Некрасова. Дедушка не только обласкан своей семьей – он будет воспи-

тывать внука, который его боготворит. Одно лишь досадно Саше: что бы он ни спросил о прошлом дедушки, ответ всегда один: «Вырастешь, Саша, узнаешь». Потому Саша решает учиться – чтобы наконец вырасти и узнать.

Покаянные мысли Николая Андреевича – не более чем сентиментальность. Он не дурной человек – он конформист и приспособленец. А Иван Григорьевич – бескомпромиссная и нестигающаяся натура. Поэтому, оказавшись с ним за одним столом, Николай Андреевич начинает вдруг нервничать и, будто ожидая осуждения, уверять Ивана Григорьевича, что и тем, кто жил на свободе, было страшно и трудно. Иван Григорьевич не упрекает его – только спрашивает, подписал ли тот письмо против «врачей-убийц», и слышит смущенное: «Дружочек ты мой, дружочек ты мой, ведь и нам нелегко жилось, не только вам там, в лагерях», – после чего начинает рассуждать о необходимости «в дыму, пыли, не быть слепым, видеть, видеть огромность дороги». Иван Григорьевич задает именно этот вопрос неслучайно. В 1953 г. Гроссман сам подписал это письмо. И не простил себя. Как и главный герой «Жизни и судьбы», Виктор Штрум [Бит-Юнан 2022].

На удачу Николая Андреевича у него очень понимающая жена. Когда Иван Григорьевич уходит, она говорит своему мужу именно ту утешительную ложь, которой он ждет: «Не огорчайся, не надо, неисправимый мой идеалист».

* * *

Гроссман также обращается к творчеству Горького.

Иван Григорьевич, покинув дом Николая Андреевича, отправляется в Ленинград, где когда-то жила его девушка, Аня Замковская. Она до сих пор живет в том же доме и в той же квартире – только теперь носит фамилию своего мужа. Он встречается с Пинегиным, своим университетским приятелем, который и донес на него. Но Иван Григорьевич этого не знает – и Пинегин рад.

Затем главный герой уезжает в некий город, где арендует угол в комнате Анны Сергеевны, «вдовы погибшего на фронте сержанта Михалева». Живет она бедно, воспитывает племянника, сына покойной сестры. Он устраивается на работу слесарем в артель. Там работает некий Мордань, тоже бывший политзэк. В этом образе будто на уровне подтекста воплотились два горьковских персонажа – Клеща и Сатина. Как и Клещ, Мордань ремонтирует замки, как и Сатин, он любит умные слова: «Мордань любил в разговоре ученые слова: рассматривая испорченный замок, он важно говорил: – Да, ключ совершенно не реагирует на замок». Однако это лишь намек на горьковский текст – причем странный. Он дета-

лизирует описание артели, но затеняет образ Морданя, которому Гроссман явно симпатизирует. Сатина и Клеща, наоборот, вряд ли можно считать положительными героями.

Очевидный же упрек Горькому высказывается в другом фрагменте повести – там, где Гроссман рассуждает о типах доносчиков и причинах доносительства:

Кого же судить? Природу человека! Она, она рождает эти вороха лжи, подлости, трусости, слабости. Но она ведь рождает и хорошее, чистое, доброе. Доносчики и стукачи полны добродетели, отпустите их по домам, но до чего мерзки они: мерзки со всеми добродетелями, со всем отпущением грехов... Да кто же это так нехорошо пощуптил, сказав: человек – это звучит гордо?

Да, да, они не виноваты, их толкали угрюмые, свинцовые силы. На них давили триллионы пудов, нет среди живых невиновных... Все виновны, и ты, подсудимый, и ты, прокурор, и я, думающий о подсудимом, прокуроре и судье.

Но почему так больно, так стыдно за наше человеческое непотребство?

Здесь – тоже цитата из «На дне». И комментарии будут, пожалуй, излишни. Можно лишь констатировать, что с начала 1900-х гг. со дна так никто и не выбрался. И советская власть для бесправных и угнетенных – та же почтежка Костылева.

Сходная мысль – тоже с апелляцией к Горькому – высказывается ниже. Как-то Иван начал припоминать лагерные жаргонизмы. Набралось на полный алфавит: «Арест... барак... вертух... голод... доходяга... женские лагеря... зека... ИТЛ... ксива... – вот так до конца алфавита. Огромный мир, свой язык, экономика, моральный кодекс. Такими сочинениями можно заполнить книжные полки. Побольше, чем “История фабрик и заводов”, затеянная Горьким».

* * *

Наиболее интересные аллюзии связаны, пожалуй, с творчеством Гоголя. Их тоже можно разделить на явные и неявные.

Явная полемика с Гоголем разворачивается в конце произведения.

Однажды ночью Ивану Григорьевичу снится тревожный сон, он зовет свою мать – и Анна Сергеевна садится у его изголовья. Вскоре они начинают жить как муж и жена. Но счастье их недолгое: у нее выявили рак. Надежды на чудесное исцеление – нет.

Оставшись один, Иван Григорьевич начинает записывать свои мысли о характере русской истории. Отправной точкой служит утверждение, что вся история страны – это история покорности

и смирения, а не сопротивления. И здесь также используются аргументы от литературы.

Иван Григорьевич упоминает о своем сокамернике – Алексее Самойловиче. Он был необычайно умен. Однако ум его был «страшный» – «равнодушный, насмешливый к вере». И как увлеченно ни говорил Иван Григорьевич о грядущей свободе человечества, Алексея Самойловича эти слова не трогали. Перефразированной Иваном Григорьевичем гегелевской максиме «все бесчеловечное бессмысленно и бесполезно» Алексей Самойлович противопоставляет перефразированный закон сохранения энергии:

Чего уж отстаивать свободу, это когда-то в ней видели закон и разум развития. А теперь, говорят, ясно: вообще исторического развития нет, история – процесс молекулярный, человек всегда равен себе, ничего с ним не сделаешь, нет развития. А закон простой – закон сохранения насилия.

Тут же заходит речь и о Гоголе – одном из главных певцов исторического пути России:

А у хаоса нет законов, ни развития, ни смысла, ни цели. Вот и Гоголь, гений России, воспел птицу-тройку, в ее беге угадывал будущее, да не в той тройке, что гадал Гоголь, оказалось будущее. Вот она тройка: русская казенная судьба, безликая тройка, особое совещание. Тройка, что приговаривала к расстрелу, составляла списки на раскулачивание, выключала юношу из университета, не давала хлебной карточки бывшей старухе.

И вот он со своих нар грозит Гоголю пальцем:

– Ошиблись, Николай Васильевич, не поняли, не разглядели русской нашей птицы-тройки. Не в беге тройки история людей, а в хаосе, в вечном переходе одного вида насилия в другой. Летит птица-тройка, а все недвижно, все застыло, а главное, недвижим человек, недвижима судьба его. Насилиеечно, что бы ни делали для его уничтожения. А тройка летит, и нет ей дела до русского горя. И что русскому горю – летит она или замерла в неподвижности.

Это не единственное обращение к классику. В другом фрагменте повести угадывается намек на «Шинель».

Рассказывая историю Анны Сергеевны, автор делает весьма своеобразную ремарку о ее покойной муже – сержанте Жихареве: «На стене висела фотография Жихарева – человека с невеселым лицом, он словно уже в ту пору, когда снимался, предвидел свою судьбу».

Когда Акакия Акакиевича окрестили, он «заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник». Можно предположить, что эти фразеологические параллели случайны. Если же нет, то здесь создается новое идейное пространство.

Очевидно, что образ Жихарева и Акакия Акакиевича соотносим в первую очередь в аспекте литературной традиции: оба они – маленькие люди. У одного низкое звание, у другого – низкий чин. Оба прожили мало и как будто не оставили следа в истории. Темы социального дна и судьбы маленького человека – магистральные в этой повести.

Однако можно предположить, что ассоциирование Жихарева с Акакием Акакиевичем предполагает ассоциирование самого автора с маленьким человеком.

Старое пальто у Акакия Акакиевича износилось – пришлось делать шинель. Вышла она красивая, теплая – совсем на «капот» не похожая. Но шинель украли. Титулярный советник отправился на прием к «значительному лицу», но «значительное лицо» было крайне недовольно, что его потревожили – и наорало на просителя. Акакий Акакиевич заболел и умер. Правда, душа его дотоле не обретала покоя, пока не сорвала с плеч «значительного лица» его дорогой шинели.

С Гроссманом – похожая история. Советский литератор Гроссман пишет новый роман. «Новый» – во всех смыслах. «Жизнь и судьба» – это не просто продолжение «За правое дело» – это книга иного рода, политически настолько труднопроходимая, что даже при подготовке первых перестроечных публикаций пришлось делать купюры. И вот этот роман конфискован. Украден у автора. Но тот не смиряется, идет искать правды. А именно – пишет письмо Н.С. Хрущеву, после чего его принимает «значительное лицо» – М.А. Суслов. И, конечно, в помоши отказывает. Разве что не орет на просителя. И вот он постепенно чахнет и умирает: заканчивая «Все течет...» Гроссман был неизлечимо болен. Продолжая гоголевские аналогии, можно бы сказать, что они обрели завершение уже после смерти Гроссмана. Буквально вернулся с того света – с вырученной шинелью.

* * *

С одной стороны, напрашивается вывод, что пессимист Гроссман углубляет трагический пафос русской классики. Нет толку от того, что в Сибири выросли деревни, где «Воля и труд человека / Дивные дивы творят!» Со дна – не выбраться. И тройка, оказалось, не та, и дорогой, оказалось, не той летит. И дело не столько в песси-

мизме автора, сколько в его эрудиции. Накопившийся к 1960-м гг. исторический материал свидетельствовал против человеколюбия русской классики и даже порой ее сдержанного политического оптимизма.

На деле пафос гроссмановской повести сугубо гуманистический. В минуты отчаяния, огорченный циническим замечаниям Алексея Самойловича, Иван Григорьевич все же не теряет веры в то, что «Свобода соединится с Россией» и продолжает повторять про себя: «Все бесчеловечное бессмысленно и бесполезно».

А в конце повести он отправляется в родной город, где-то на юге, чтобы увидеть дом своего отца. Идет по пыльной дороге – и ему кажется, что вот-вот «к нему, блудному сыну, подойдет мать, и он станет перед ней на колени, и ее молодые прекрасные руки лягут на его плешивую и седую голову». Однако на том месте, где стоял дом, – только заросли хмеля и несколько камней. Там он и останавливается: «Он стоял здесь – седой, сутулый и все же тот же, неизменный».

Концовка библейская. Дом отца. Мать, встречающая блудного сына, – как Отец на картине Рембрандта... Однако всего этого нет. Есть только человек, не изменивший своему внутреннему закону. Он не обрел счастья, но главное – не потерял себя. А это – высшая заслуга в бесчеловечное время. И даже немного – счастье.

Литература

- Александрова 2021 – Александрова М.А. Декабристы в культурно-исторической мифологии советской эпохи: Литературная «декабристиана» 1920–1960-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 459–465.
- Бит-Юнан 2022 – Бит-Юнан Ю.Г. «Аннибалова клятва»: к истории романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Философические письма: Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5. № 2. С. 146–168.
- Бочаров 1990 – Бочаров А.Г. Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 378 с.
- Бочкарев 2016 – Бочкарев А.Е. Способы и средства выражения отчаяния в русской языковой картине мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоznание. 2016. Т. 15. № 3. С. 103–110.
- Ковальская, Кузнецов 2011 – Ковальская В.М., Кузнецов И.О. Нестандартные деепричастия в русском языке: морфология // Acta Linguistica Petropolitana: Труды института лингвистических исследований. 2011. Т. 7. № 3. С. 106–110.
- Ланин 1997 – Ланин Б.А. Идеи «открытого общества» в творчестве Василия Гроссмана. М.: Магистр, 1997. 31 с.

- Ланин 2014 – *Ланин Б.А.* Сталин в прозе В. Гроссмана // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 11–20.
- Berti 2014 – *Berti F.* The two revolutions and the nature of totalitarianism: Vasily Grossman's reinterpretation of Bolshevism // Гроссмановский сборник: Наследие современного классика / сост. М. Калузио, А. Красникова, П. Тоско. Милан: EDUCatt, 2016. С. 319–336.
- Ellis 1994 – *Ellis F.* Vasilii Grossman: The genesis and evolution of a Russian heretic. Oxford: Berg, 1994. 239 p.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N.Y.: Free Press, 1996. 437 p.
- Maddalena 2011 – *Maddalena G.* La filosofia sintetica in Vasilij Grossman // L'umano nell'uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne / a cura di P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2011. P. 279–300.
- Riconda 2007 – *Riconda G.* La “religione” di Grossman // Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo / a cura di G. Maddalena, P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2007. P. 221–250.

References

- Aleksandrova, M.A. (2021), “The Decembrists in the cultural and historical mythology of the Soviet era. Literary ‘Decembrist studies’ of the 1920s – 1960s”, *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, vol. 21, iss. 4, pp. 459–465.
- Berti, F. (2014), “The Two Revolutions and the Nature of Totalitarianism: Vasily Grossman’s Reinterpretation of Bolshevism”, in Calusio, M., Krasnikova, A. and Tosco, P., comp., *Grossman studies. The legacy of a contemporary classic*, EDUCatt, Milan, Italy, pp. 319–336.
- Bit-Yunan, Yu.G. (2022), “‘Hannibalian oath’. On the history of V. Grossman’s novel ‘Life and Fate’”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, vol. 5, no. 2, pp. 146–168.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasili Grossman: Zhizn’, tvorchestvo, sud’ba* [Vassily Grossman. Life, legacy, fate], Sovetskii pisatel’, Moscow, USSR.
- Bochkarev, A.E. (2016), “Ways and means of expressing despair in the Russian language worldview”, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 15, no. 3, pp. 103–110.
- Ellis, F. (1994), *Vasili Grossman: The genesis and evolution of a Russian heretic*, Berg, Oxford, UK.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*, Free Press, New York, USA.
- Kovalskaya, V.M. and Kuznetsov, I.O. (2011), “Morphology of non-standard conversbs in Russian”, *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 7, no. 3, pp. 105–110.

- Lanin, B.A. (1997), *Idei "otkrytogo obshchestva" v tvorchestve Vasiliya Grossmana* [The ideas of “open society” in V. Grossman’s works], Magistr, Moscow, Russia.
- Lanin, B.A. (2014), “Stalin in Vasilii Grossman’s prose”, *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, no. 4, pp. 11–20.
- Maddalena, G. (2011), “La filosofia sintetica in Vasilij Grossman”, in Tosco, P., ed., *L’uomo nell’uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 279–300.
- Riconda, G. (2007), “La ‘religione’ di Grossman”, in Maddalena, G. and Tosco, P., ed., *Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 221–250.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1;

Высшая школа экономики, Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманская, д. 21/4; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yuriii G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Presidential Academy, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571;

HSE University, Moscow, Russia; 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia, 105066; bityunan@gmail.com